

УДК 82.09+821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)52-8Пушкин А.С.

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-6-11-19

ГРЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1821 ГОДА В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА И ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ

М. И. Никола

Аннотация. В статье рассматриваются произведения Пушкина и его поэтов-современников, вдохновленные событиями греческой освободительной революции 1821 г., которые получают оценку как образцы романтической лирики, в которой нашли выражение свободолюбивые идеалы авторов и их горячее сочувствие народу Греции в его борьбе с турецкими завоевателями. Подчеркивается драматизм развития революционных событий, вызвавший рефлексию Пушкина, нашедшую наиболее полное выражение в его письмах и повести «Кирджали». Отмечается, что особый характер отношения Пушкина к событиям греческой освободительной революции определяется в том числе близостью пребывания поэта к театру военных действий. В 1821 г. поэт находится в Южной ссылке, на юге России. Здесь он становится очевидцем подготовки восстания, следит за его событиями на земле Валахии, тяжело переживает неудачи действий повстанцев, анализирует причины неудач и отдает должное мужеству борцов против турецкого ига. В поэзии Пушкина и его современников выделен образ Байрона, восхищавшего русских поэтов не только своим талантом, но и непосредственным участием в борьбе греческого народа за его свободу и независимость.

Ключевые слова: Греческая революция 1821 г., Пушкин и его поэты-современники, филэлинская традиция русской поэзии, Байрон.

Для цитирования: Никола М. И. Греческая революция 1821 года в поэзии А. С. Пушкина и его современников // Наука и школа. 2021. № 6. С. 11–19. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-6-11-19.

© Никола М. И., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE GREEK REVOLUTION OF 1821 IN THE POETRY
OF A. S. PUSHKIN AND HIS CONTEMPORARIES

M. I. Nikola

Abstract. *The article examines Pushkin's and his contemporaries' works inspired by the events of the Greek liberation revolution of 1821. They are evaluated as examples of romantic lyrics, in which the freedom-loving ideals of the authors and their ardent sympathy for the people of Greece in their struggle against the Turkish conquerors found expression. The article emphasizes the dramatic development of revolutionary events which caused the reflection by Pushkin and found the most complete expression in his letters and the story „Kirdjali”. It is noted that the special nature of Pushkin's attitude to the events of the Greek liberation revolution is determined, among other things, by the proximity of the poet's stay to the theater of war. In 1821 the poet was in his Southern exile, in the south of Russia. Here he becomes an eyewitness to the preparation of the uprising, observes its events on the land of Wallachia, grieves hard the failure of the rebels' actions, analyzes the reasons for their failures and pays tribute to the courage of the fighters against the Turkish yoke. In the poetry of Pushkin and his contemporaries, the image of Byron, who was admired by Russian poets not only for his talent, but also for his direct participation in the struggle of the Greek people for their freedom and independence, is highlighted.*

Keywords: *The Greek Revolution of 1821, Pushkin and his contemporary poets, the Philhellenic tradition of Russian poetry, Byron.*

Cite as: Nikola M. I. The greek revolution of 1821 in the poetry of A. S. Pushkin and his contemporaries. *Nauka i shkola*. 2021, No. 6, pp. 11–19. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-6-11-19.

В связи со знаменательной датой, 200-летием начала национально-освободительной революции от турецкого ига, которую в этом году греческий народ отмечает, представляется актуальным и значимым обратиться к тому, какой отклик эти события нашли в поэзии А. С. Пушкина и его современников. Турецкое иго продолжалось на греческой земле более 300 лет, и борьба с ним греческого народа была долгой и изнурительной. Революционные события начались весной 1821 г. Но только в 1830 г. Греция восстановила свою независимость. За этой борьбой сочувственно следили гуманистически настроенные люди в разных странах Европы. В России эти события нашли живейший отклик. Можно говорить и о яркой филлелинской странице в русской поэзии

20-х гг. XIX в., вдохновленной этими событиями. Важное место в этой филлелинской странице отводится творчеству Пушкина.

Напомню, что события начала греческой революции совпали с южной ссылкой поэта, когда он находился в Одессе, своеобразном эпицентре подготовки греческой революции. Именно здесь возникло общество «Филики этерия» (в пер. с греч. «Союз друзей»), которое возглавил герой войны 1812 г., потерявший в битве под Дрезденом правую руку, князь Александр Ипсиланти. Русский подданный, из рода Валашских господарей, он начал формировать первые отряды мятежников. Ипсиланти стал главным вождем начала этих революционных событий. В марте 1821 г. Пушкин в одном из писем к В. Л. Давыдову так описывал

атмосферу в Одессе на начальном этапе революции: «Греция восстала и провозгласила свою свободу. Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету – к независимости древнего отечества. В Одессе... в лавках, на улицах, в трактирах, везде собирались толпы греков, все продавали за ничто имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили о Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливецца Ипсиланти... Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал, и, мертвый или победитель, отныне он принадлежит истории – 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! – завидная участь» [1, с. 79–80].

Заметим, что Пушкин был знаком с Ипсиланти, находился с ним в переписке и помышлял о победе в стан борцов. Показательно, к примеру, его письмо к А. А. Дельвигу, где он на эти планы намекает: «...скоро оставлю благословенную Бессарабию – есть страны благословеннее. Праздный мир не лучшее состояние жизни...» [1, с. 82]. Пушкин пишет стихотворение «Война», свой первый поэтический отклик на греческое восстание, проникнутый жаждой непосредственного участия в сражениях за свободу Эллады:

Война! Подняты, наконец.
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести:
Засвищет вокруг меня
губительный свинец... [2, с. 21]

В том же 1821 г. Пушкин напишет и стихотворение «Кинжал», выражение самых смелых, тираноборческих настроений поэта. Пушкин в этом стихотворении выступает сторонником насильственных действий во имя свободы и общественного блага. Стихотворение начинается с обращения к кинжалу как защитнику свободы, мстителю, карающему там, где спит меч закона:

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий
кинжал,
Последний судия Позора и Обиды...
[2, с. 22]

Далее поэт вспоминает ряд политических убийств в истории, в которых усматривает пример служения свободе и общественному благу. Это участие республиканца Брута в расправе с Цезарем, убийство Марата Шарлоттой Корде. Упомянуто также и убийство студентом Зандом писателя А. Коцебу... В заключение поэт опять возвращается к образу кинжала, который изображается лежащим на могиле. По древнегерманскому обычаю кинжал на могиле – призыв к мести, и на него обычно прикреплялось конкретное имя приговоренного к смерти. Но пушкинское стихотворение завершает фраза: «...Горит без надписи кинжал» [2, с. 23]. Этой безымянностью поэт подчеркивает, что орудие мести ждет не одного, а всех тиранов. Разумеется, это стихотворение не могло быть напечатано, но оно разошлось в списках, в том числе в среде декабристов Южного общества и в армейских кругах.

Однако первоначальные успехи греческой революции обернутся затяжными боями и большими потерями, которые Пушкин тяжело переживал. Под впечатлением этих печальных событий Пушкин пишет в 1821 г. стихотворение «Гречанка верная...»:

Гречанка, верная! не плачь, –
он пал героем!
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь – не ты ль ему сама
пред первым боем
Назначила кровавый Чести путь?..
[2, с. 24]

Показательно также стихотворение поэта «Я твой навек, Эллеферия!»

Слово Эллеферия в названии стихотворения – это несколько искаженное Пушкиным с греч. Элефтерия, что означает Свобода:

Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие.
Горю тобой, я вечно твой,
Я твой навек, Эллеферия! [2, с. 25]

События начавшейся греческой революции переживали горячо и другие русские поэты, современники Пушкина. Так, находящийся в Париже в то время В. Кюхельбекер, как и Пушкин, мечтает разделить с повстанцами борьбу за свободу. В его стихотворении 1821 г. «Греческая песнь» читаем обращение к друзьям-единомышленникам:

Друзья! Нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? Полетим!
Сокройтесь, горы, реки, грады,-
Они нас ждут – скорее к ним!
Услышь, судьба, мои молитвы –
Пошли и мне, пошли минуту
первой битвы! [2, с. 31]

Однако это страстное желание Кюхельбекера не осуществилось. Лекции, прочитанные Кюхельбекером в Париже, где он обращался с подобными призывами к французам, вызвали негодование российских властей, и ему было предписано незамедлительное возвращение в Россию. Что касается Пушкина, то он в годы ссылки также находится под бдительным оком властей.

Следует также отметить публикацию в самом начале революции, в первые месяцы восстания, в московском «Вестнике Европы» в пер. Н. И. Гнедича «Военного гимна греков», который считается эллинской «Марсельезой». Текст этот принадлежит греческому поэту Ригасу Велестивлису, борцу за свободу родины, казненному турецкими властями в 1798 г. Русские поэты в своих текстах, в том числе и Пушкин, неоднократно

вспоминают имя этого героя освободительной борьбы как Ригу или Ригаса. В России в этот период появится несколько вариантов перевода гимна Ригаса. В переводе Н. Гнедича рефрен гимна звучит следующим образом:

К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых Бог!
И пусть тиранов кровь – рекою
Кипит у наших ног... [2, с. 69]

Филэллинская страница русских поэтов 20-х гг. XIX в. – это примерно 30 стихотворений двенадцати поэтов. Кроме названных имен, Пушкина, Кюхельбекера, Гнедича, нужно в числе авторов стихотворений на эллинскую тему также назвать имена К. Рылеева, Ф. Глинки, Д. Веневитинова, И. Козлова, Владимира Раевского, Василия Капниста, Василия Туманского, Ореста Сомова, Павла Катенина, Василия Григорьева. Правда, многие из этих стихотворений не были напечатаны, ходили в списках. Так, например, такие стихотворения В. Капниста, как «К восставшему греческому народу» и «Воззвание на помощь Греции», ожидали публикации более века, и не случайно. К примеру, во втором из названных стихотворений у Капниста звучали строки, указующие на тиранство не только в Греции, а главное, на общую участь, предназначенную всем тиранам:

Какой тиран возможен стать
Против стремления народа.
Так можно ль цепи налагать,
Где рабство – смерть, где жизнь –
свобода. [2, с. 66]

Не рассматривая тексты всех вышеупомянутых авторов, укажем на их общие темы и мотивы: безмерные страдания греков под ярмом ига, наступивший предел долготерпения греческого народа, воспоминания о подвигах предков, вдохновляющие на борьбу. Как правило, вспоминаются спартаец Леонид и

300 спартанцев, защищавших Фермопиль, древнегреческие полководцы Фемистокл и Мельтиад, отличившиеся в борьбе с персами, тираноборец Аристокитон, который вместе с Гармодием убил тирана Гиппарха (514 г. до н. э.) и др. Важный общий мотив также в утверждении значимости миссии поэта в этой борьбе. В связи с последней темой русские поэты нередко вспоминают древнегреческого поэта Тиртея, которого афиняне прислали в помощь спартанцам и который своими маршевыми песнями успешно вдохновлял спартанцев в их сражениях, вспоминают уже названного Ригу или Ригаса, автора вышеупомянутого Гимна и, конечно, образ Байрона. У Пушкина читаем:

Страна героев и богов
 Расторгла рабские вериги
 При пенье пламенных стихов
 Тиртея, Байрона и Риги. [2, с. 28]

Возвышенный образ поэта, погибшего на земле Греции, куда он устремился, защищая ее свободу, создан в стихотворениях В. Кюхельбекера, К. Рылеева, И. Козлова, Д. Веневитинова. Байрон был горячо оплакан русскими поэтами, высоко ценившими его поэтический талант, незаурядность личности и благородную цель, которую поэт поставил перед собой. Напомним посвященные Байрону строки Пушкина из его стихотворения «К морю»:

Исчез, оплаканный свободой,
 Оставляя миру свой венец.
 Шумы, взволнуйся непогодой:
 Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
 Он духом создан был твоим:
 Как ты, могущ, глубок и мрачен,
 Как ты, ничем неукротим. [3, с. 12]

Филэллинские стихотворения русских поэтов – это большей частью образцы

романтической лирики. Мы находим в них патетическое воспевание свободы, контраст между великим прошлым Эллады и ее нынешним униженным положением, героические образы борцов за свободу, прославление поэта, влетающего нить своей песни в общее дело борьбы за свободу. От этой традиции неотделима и лирика Пушкина, вдохновленная событиями греческой революции. Но только этими стихотворениями осмысление событий греческой революции Пушкиным не ограничивается. Заслуживают также внимания неосуществленный замысел ряда романтических поэм, а также проза Пушкина: его письма, заметки и повесть «Кирджали».

В них переживания Пушкиным событий греческой революции во многом напоминают траекторию переживаний и раздумий Байрона: от первоначального энтузиазма до разочарования в руководителях движения, горечь от урона, наносимого движению враждой их лидеров. Последнее видно уже на примере Александра Ипсиланти, за судьбой которого Пушкин пристально следил. Так, А. Ипсиланти из Одессы устремляется в Грецию через Валахию, где как раз умирает правящий государь. Ипсиланти, принадлежащий по происхождению к роду валахских господарей, решает в целях похода, как он полагает, занять освободившееся место. Это потребует остановки в пути, установления контактов с местными феодалами с целью укрепления власти, экспроприации части средств на интересы формирующейся армии. Однако происходящее вызовет большое неудовольствие у значительной части разношерстного войска Ипсиланти, особенно крестьян, молдавских, албанских, сербских, которых привел в армию Ипсиланти крестьянский лидер Теодор Владимиреску. Для крестьян местные феодалы-бояре – такие же враги, как и турки, поскольку они страдают от тех и других. Владимиреску заявил о намерении со своим отрядом

уйти из войска Ипсиланти, заигрывающего с боярами. За это он как изменник будет убит по распоряжению Ипсиланти. Происшедшее, естественно, вызовет гнев сторонников Владимиреску. В армии Ипсиланти возникают разброд и шатания как раз в момент наступления турок. Сражение с турецким войском при Драгашанах 7 июня 1821 г. заканчивается для армии Ипсиланти поражением. Остатки войска отступают и требуют, чтобы Ипсиланти покинул их ряды под страхом смерти, что Ипсиланти вынужден сделать, посылая вслед бывшим единомышленникам слова проклятия в своей Прокламации. С небольшим числом сторонников Ипсиланти решает через Австрию пробираться в главный очаг сопротивления туркам, на юг Пелопоннеса. Но в Австрии Ипсиланти будет заточен в тюрьму, доведен до тяжелой болезни и освобожден по настоянию русского правительства только в 1827 г. незадолго до своей смерти.

Пушкин переживает тяжелое разочарование в деятельности Ипсиланти, что нашло отражение в повести Пушкина «Кирджали», где, признавая личную храбрость Ипсиланти, Пушкин сурово оценивает его политическую стратегию: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности. После несчастного сражения, где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиоти присоветовал ему удалиться и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодьями. Эти трусы и негодяи большею частью погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь противу неприятеля вдсятеро сильнейшего» [4, с. 234]. Как видно из последних

фраз в приведенном отрывке, Пушкин смотрит на сложившуюся ситуацию не глазами Ипсиланти. В приведенном выше отрывке примечательно выдвижение имени Иордаки, которого Пушкин считает настоящим героем, занявшим место Ипсиланти и продолжившим сражения с турками.

О том, что героическая смерть Иордаки при осаде монастыря Секу взволновала Пушкина, свидетельствует замысел поэмы, которую Пушкин собирался посвятить описанию осады монастыря Секу и подвигу Иордаки. Но этот замысел не осуществился, и остался лишь план поэмы. Однако не все войско Ипсиланти и Иордаки погибло при осаде монастыря Секу. Пушкину было хорошо известно, что остатки войска Ипсиланти и Иордаки приняли еще одно памятное сражение, при Скулянах, которое Пушкин также опишет в повести «Кирджали»: «Сражение под Скулянами, кажется, никем не описано во всей его трогательной истине. Вообразите себе 700 человек арнаутов, албанцев, греков, болгар и всякого сброду, не имеющих понятия о военном искусстве и отступающих в виду пятнадцати тысяч турецкой конницы... Сражение было жестоко. Резались ятаганами... Этеристы, с разрешения нашего государя, могли перейти Прут и скрыться в нашем карантине... Кантагони и Сафьянос (те, кто возглавил остатки войска) остались последние на турецком берегу... Сафьянос был убит. Кантагони, человек очень толстый, ранен был копьем в брюхо. Он одной рукой поднял саблю, другою схватился за вражеское копье, всадил его в себя глубже и таким образом мог достать саблею своего убийцу, с которым вместе и повалился. Все было кончено. Турки остались победителями... Около шестисот арнаутов рассыпалось по Бессарабии... Их можно было всегда видеть в кофейнях полутурецкой Бессарабии, с длинными чубуками во рту, прилебывающими кофейную гущу из

маленьких чашечек... Никто на них не жаловался. Нельзя было и подумать, чтоб эти мирные бедняки были известнейшие клефты Молдавии, товарищи грозного Кирджали...» [4, с. 235]. Клефты – это имя вооруженных повстанцев, арнауты – православные албанцы, борющиеся с турками.

Но обратимся, наконец, к образу главного героя повести, разбойнику Кирджали, у которого есть исторический прототип, болгарин Георгий Кирджали, принимавший участие в борьбе как с турками, так и с молдавскими боярами. Кирджали был гайдук, народный мститель. Он был неугоден и туркам, и царским сатрапам. После сражения при Скулянах он искал прибежища по ту сторону Прута, в Бессарабии, управляемой из России. Но, поскольку он был известен разбойным прошлым, кишиневские власти отказали ему в убежище и выдали его туркам. Пушкин был свидетелем этого события, поскольку находился в то время в Кишиневе. Под впечатлением этих событий Пушкин напишет стихотворение «Чиновник и поэт», оставшееся незавершенным. Оно построено в форме диалога между неким чиновником и поэтом. Чиновник вопрошает, куда поэт направился ранним утром и выдвигает свою версию:

«Куда вы? за город, конечно,
Зефиром утренним дышать?..»
[1, с. 278]

Ответ представляет любопытный автопортрет Пушкина, у которого совсем иные намерения:

– Нет, я собираюсь на базар,
Люблю базарное волнение,
Скуфьи жидов, усы болгар
И спор и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стеснение.
Люблю толпу, лохмотья, шум –
И жадной черни лай свободный.
[1, с. 278]

Чиновник комментирует этот ответ следующим образом:

«Так, наблюдаете, ваш ум
И здесь вникает в дух народный...»
[1, с. 278]

Последующий ответ поэта подтверждает сделанное заключение: в это утро он намерен слиться с толпой черни, в свою очередь намеревающейся встретиться и проводить Кирджали:

«В острог – сегодня мы
Выпроваждаем из тюрьмы
За молдаванскую границу
Кирджали».
[1, с. 279]

Но, если в этом неоконченном стихотворении образ Кирджали лишь намечен и согрет народным сочувствием, то в повести (1834 г.) он получает сложное и неоднозначное развитие. В начале повести Кирджали – разбойник, живущий грабежом и насилием, и в войско Ипсиланти он вступает не без корыстных побуждений. Но пребывание в этом войске меняет сознание Кирджали. В сражении под Скулянами он ведет себя героически: участие и освободительной борьбе способствует его духовному обновлению. Став повстанцем, поборником свободы, он восстанавливает свое человеческое достоинство. Эти изменения видны из объяснения Кирджали с русскими чиновниками. Он не признает справедливым его выдачу врагам. Когда-то он грабил турок и молдаван, но после восстания он жил подаянием и оставил свои разбойные замашки: «Я не тронул ни волоса чужого добра, не обидел и последнего цыгана» [4, с. 236].

Сделанное признание не изменило участи Кирджали. Его вывели из тюрьмы, чтобы везти для передачи туркам на мучительную смерть. Вот в этот момент Кирджали и предстает перед читателем в своем истинном качестве героя, сильного, исполненного достоинства

человека. Пушкин с сочувствием и восхищением рисует его портрет: «Ворота отворились, и несколько полицейских офицеров вышли на улицу; за ними двое солдат вывели скованного Кирджали. Он казался лет тридцати. Черты смуглого лица его были правильны и суровы. Он был высокого роста, широкоплеч, и вообще в нем изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкий пояс обхватывал тонкую поясицу; долиман из толстого синего сукна, широкие складки рубахи, падающие выше колен, и красивые туфли составляли остальной его наряд. Вид его был горд и спокоен» [4, с. 238].

Отношение Пушкина к Кирджали проявляется с особой наглядностью в контрастной обрисовке его врагов, в частности чиновников, исполняющих приговор наместника Бессарабии. Их облик снижен перед лицом Кирджали и со стороны внешности, и со стороны душевных проявлений. Повесть заканчивалась сообщением о дальнейшей судьбе Кирджали, которому удалось обмануть турецкую стражу и совершить дерзкий побег, после которого он вновь стал разбойничать. Но его действия теперь приобрели отчетливый социальный характер – он стал наносить удары по турецким властям и их ставленнику – господарю, жившему в Яссах: «Кирджали ныне разбойничает около Ясс. Недавно писал он господарю, требуя от него пяти тысяч левов, и грозясь, в случае неисправности в платеже, зажечь Яссы и добраться до самого господаря. Пять тысяч левов были ему

доставлены». Последняя фраза повести, сообщающая об успехах отряда Кирджали и о послушном его приказам господарю, содержит прямое обращение автора к читателям: «Каков Кирджали?». В этом вопросе чувствуется восхищение автора незаурядной личностью этого разбойника.

Кроме литературных образов, связанных с событиями греческой революции, нельзя не упомянуть также ряд пушкинских рисунков: набросок Пушкина, изображающий Александра Ипсиланти, рисунок, изображающий борцов-этеристов, изображение греческой женщины к тексту стихотворения «Гречанка» и др.

Военная помощь Греции со стороны России будет оказана только в царствование Николая I. В 1827 г. произойдет знаменитое Наваринское сражение, в котором русский флот уничтожит флот турок, а также и значительную часть кораблей пришедшего ему на помощь египетского правителя Ибрагим-паши. Затем пойдут сухопутные сражения в ходе русско-турецкой войны. И Россия сначала добьется от турок автономии Греции, а по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. – и полной ее независимости. По случаю Адрианопольского мира Пушкин в 1829 г. напишет строки, исполненные гордости:

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.
И дале двинулась Россия.
И юг державно облегла.
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие. [2, с. 27]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. IX. М.: Правда, 1981. 447 с.
2. Греческая революция 1821 года в зеркале русской поэзии. Афины: Книжная лавка “Эстия” И. Д. Колларос и К°. 2001. 122 с.
3. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. II. М.: Правда, 1981. 415 с.
4. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. V. М.: Правда, 1981. 419 с.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. I. М.: Правда, 1981. 414 с.

REFERENCES

1. Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy. In 10 vols. Vol. IX.* Moscow: Pravda, 1981. 447 p.
2. Grecheskaya revolyutsiya 1821 goda v zerkale russkoy poezii. Afiny: Knizhnaya lavka "Estia" I. D. Kollaros i K^o. 2001. 122 p.
3. Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy. In 10 vols. Vol. II.* Moscow: Pravda, 1981. 415 p.
4. Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy. In 10 vols. Vol. V.* Moscow: Pravda, 1981. 419 p.
5. Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy. In 10 vols. Vol. I.* Moscow: Pravda, 1981. 414 p.

Никола Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: nikola7352@mail.ru

Nikola Marina I., ScD in Philology, Full Professor, Head of World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: nikola7352@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.10.2021

The article was received on 25.10.2021